

Цѣна съ перес.

за годъ 2 руб.,

за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 137

(ЮЛЬ).

1909.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

ВЪ РЕДАКЦІИ

Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей

и въ канцеляріи

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА

ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ. Како течеша?—Кто законные наследники земли? *Священника Иоанна Анурьева.*—Звѣзды пустыни. Повѣсть, записанная Преподобнымъ Пафнутіемъ, египетскимъ пустынноикомъ. *С. Нилуса.*—Невѣроятное для многихъ, но истинное происшествіе.—Священнику открылась... *Священника Н. С—ва.*

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ БЕЗПЛАТНО.

КАКО ТЕЧЕШИ?

Житіе наше въ вѣкѣ семъ не иное что есть, какъ путь къ будущему вѣку. На сей путь во время рожденія всходимъ: во время смерти его оканчиваемъ. И всякій живущій на земли есть путникъ. Путь сей иному кратчайшій, какъ-то младенцамъ умирающимъ; иному должайшій, какъ-то отрокамъ и юношамъ умирающимъ; иному и того должайшій, какъ-то мужамъ и старикамъ умирающимъ. Какъ извѣстенъ намъ день и образъ начатіе пути сего, яко вси равно раждаемъ: такъ неизвѣстенъ день, часъ и образъ скончаніе его яко не знаемъ, какъ и когда скончаемъ его. *Внимай сему!* Кончина тамо насъ постигаетъ, гдѣ не чаемъ, и тогда постигаетъ, когда не надѣемся, и такъ постигаетъ, какъ не надѣемся. Разсуждай и помни сіе. Блаженъ и мудръ, кто разсуждаетъ и помнитъ сіе. Буди убо на пути всегда таковъ, каковъ при концѣ хочешь быть, и блаженъ будеши! Берегися грѣха, и за содѣянные грѣхи кайся, какъ при кончинѣ берегутся люди грѣха и каются; разсуждай о богатствѣ, чести, славѣ, утѣхахъ и о прочіихъ міра сего вещахъ на пути такъ, какъ при концѣ люди разсуждаютъ; молись Богу на пути, призывай Его такъ и милости у Его ищи такъ, какъ при концѣ молятся люди: и блаженъ будеши. Тогда, гдѣ тебе кончина ни постигнетъ, и какъ ни постигнетъ, и когда ни постигнетъ, блаженно скончаешися.

Аще житіе наше на земли путь есть, и мы путники есмы, *пришельцы и странники, яко же вси отцы наши:* убо отечество наше, домъ нашъ, упокоенія нашего мѣсто, наслѣдіе наше не здѣ есть; иначе бы всегда неисходны пребывать должны здѣ. Почто-жь убо на пути сокровяемъ сокровища наша? почто на пути и странствованіи ищемъ чести, славы и утѣхъ? почто міръ сей, какъ отечество наше вмѣняемъ? Не ради сокровища бо, богатства, чести, славы и прочіихъ утѣхъ раждаемъ и входимъ въ міръ, но ради прехожденія на оный вѣкъ, понеже какъ вошли въ міръ сей, такъ и изыти изъ него мы должны; и какъ ничего въ міръ не внесли, такъ ничего и не вы-

несемъ. *Ничтоже внесохомъ въ міръ сей: явь, яко ниже изнести что можемъ, учить Апостоль (1 Тим. 6, 7). И самое дѣло показываетъ тое. Ибо ни богатый богатства своего, ни сановитый чести своя, ни благородный благородія своего, ни славный славы своя и прочаго не выносятъ съ собою. Кончина всѣхъ равными дѣлаеть. Ибо гдѣ лежитъ въ землѣ господинъ, гдѣ слуга его, гдѣ богатый, гдѣ нищій, не можно познать. Откуда пишется: сокровиществуеть челоуѣкъ и не вѣсть, кому собереть я. (Псал. 38, 7). Оставятъ чуждимъ богатство свое. Внегда умрети ему, не возметъ вся, ниже снидетъ съ нимъ слава его. (Псал. 48, 11 и 18). Видишь, что отъ путника при кончинѣ его все отходитъ, и какъ самъ нагъ вошелъ въ міръ, такъ нагъ и исходитъ отъ міра; и когда бы только нагъ, а не упоенъ любовію міра, которая *есть вражда Богу* (Іак. 4, 4, 1 Іоан. 2, 15), и не обремененъ грѣхами! Откуда слава міра сего и честь и богатство и прочіе утѣхи, какъ тѣнь, какъ сновидѣніе, какъ *паръ*, которое все *вмалъ является* и исчезаетъ, и ничто же бываетъ. Почтожь за тѣнію, за сновидѣніемъ и паромъ гоняться, а истину оставлять? почто искать того, что сегодня, или утрѣ слѣдуетъ оставить?*

(Изъ твореній Св. Тихона Задонскаго).

Кто законные наслѣдники земли?

Блаженны кроткіе, ибо они наслѣдуютъ землю.

Вотъ кто законные наслѣдники земли: кроткіе, а не воинственные обитатели ея;—люди всегда спокойные и не осмѣливающіеся нарушать покой ближняго не только дѣломъ, но и словомъ, а—не шумливые, вздорные и изыскивающіе всевозможные способы къ отнятію не только спокойствія и достоянія ближняго, а—и жизни его.

Кротость—такая высокая, всѣмъ необходимая и спасительная добродѣтель, что Господь Иисусъ Христосъ, благоволиши явить ее на Себѣ, завѣщаль и всѣмъ послѣдователямъ Его научиться у Него этой необходимой въ общежитіи добродѣтели. „Приидите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные“, зываль Онъ къ народу, „и Я успокою Васъ. Возьмите иго Мое на себя и научитесь отъ Меня: ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашимъ“ (Мѡ. 11. 28—30).

Изъ сихъ словъ Иисуса Христа видно, что евангельскую кро-

тость могут воспитать въ себѣ только вѣрующіе въ Него, трудящіеся, взявшіе на себя благое иго Его и смиренные сердцемъ.

Мы назвали кротость *евангельскою* для того, чтобъ отличить ее отъ природной кротости, съ которой человѣкъ относится равнодушно и безучастно, какъ къ доброму такъ и къ дурному, глухъ и нѣмъ бываетъ къ просящимъ его помощи и содѣйствія, то есть, по слову священнаго писанія, такой человѣкъ, который ни теплъ, ни холоденъ (Откр. 3, 16), за что и осужденъ Иисусомъ Христомъ. Итакъ въ чемъ же состоитъ евангельская кротость, которую Иисусъ Христосъ назвалъ блаженной и за которую, имѣющимъ ее, обѣщаль наслѣдіе земли?

Евангельская кротость—такое душевное состояніе, когда человѣкъ, развившій въ себѣ природные дары путемъ научнаго образованія и опыта и сподобившійся благодатныхъ даровъ Святаго Духа, проявляетъ ихъ въ жизни, не нарушая спокойствія, не задѣвая достоинства вышшихъ и не укоряя порочныхъ, старается словомъ, писаніемъ и примѣромъ, проникнутыми искреннимъ желаніемъ добра ближнему насаждать въ умахъ и сердцахъ людей спасительныя христіанскія добродѣтели и необходимыя въ общежитіи науки, искусства и ремесла.

Глубоко поучительныя качества кротости Иисуса Христа описаны во святомъ Евангеліи слѣдующимъ образомъ: „Се Отрокъ Мой, Котораго Я избралъ, возлюбленный Мой, Которому благоволишь душа Моя. Положу Духъ Мой на Него, и возвѣститъ народамъ судъ“, но какъ возвѣститъ?—„Не воспрекословить, ни возопіеть, и никто не услышитъ на улицахъ голоса Его. Трости надломленной не переломить, и льна курящагося не угасить, пока не доставитъ суду побѣды“, то-есть—кроткимъ и всегда спокойнымъ образомъ дѣйствій Иисусъ Христосъ побѣдитъ коварный и враждебный Ему міръ и Евангеліе распространитъ по всему свѣту (Матѣ. 12. 18—20).

Вотъ христіанамъ образецъ евангельской кротости! Божественный Учитель трости надломленной не переломилъ, то-есть самага бѣднаго порочнаго и угнетеннаго жизнію человѣка не укорилъ и не презрѣлъ; льна чуть курящагося не угасилъ, то-есть человѣка и слабо вѣровавшаго въ Него не оставилъ безъ благодатнаго наставленія и дарованія ему Божественной помощи и утѣшенія.

Какъ же намъ сдѣлаться кроткими по Евангелію? Кротость евангельская есть проявленіе въ жизни христіанскаго смиренія и памятованіе о томъ, что мы ничего своего не имѣемъ и ничего добраго безъ помощи Божіей сдѣлать не можемъ, какъ для себя, такъ и для другихъ; Спаситель нашъ всегда былъ кротокъ и смиренъ сердцемъ, что и намъ заповѣдалъ, чтобъ мы были душевно спокойны,—непрестанное памятованіе объ этомъ, сопровождаемое сердечной молитвой Милосердому Спасителю объ

укрѣпленіи нашихъ слабыхъ силъ и можетъ быть для насъ вѣрнымъ средствомъ—научиться евангельской кротости.

Быть можетъ, подумаютъ нѣкоторые, что съ евангельской кротостію все остановится и замретъ около насъ, да и сама-то мы не окрѣпимъ ни нравственно, ни физически и въ концѣ концовъ сдѣлаемся жертвами какихъ-либо дикихъ или воинственныхъ народовъ?

Никогда не сдѣлаемся, если только возьмемъ на себя благое иго Христово и будемъ съ любовію и терпѣніемъ трудиться надъ образованіемъ нашего ума и сердца и надъ согласованіемъ нашей слабой воли со всеблагой и всемогущей волей Отца Небеснаго.

Мы видѣли поразительный примѣръ терпѣнія и кротости на Спасителѣ нашемъ.

Раскроемъ книгу исторіи, и посмотримъ, когда у народовъ процвѣтали науки, искусства, промышленность?—тогда, когда они были кротки, мирны и дружелюбны, не только между собою, а и съ сосѣдями. Наконецъ спросимъ себя самихъ, когда мы бываемъ способны къ полезной и производительной работѣ? Тогда ли, когда волнуютъ насъ страсти, когда мы въ ссорѣ съ ближними, или когда—спокойны и дружны со всѣми, не исключая и враговъ?—Конечно—въ послѣднемъ случаѣ.

Итакъ кроткое, мирное и покойное настроеніе духа главное условіе для производительной дѣятельности и для того, чтобъ намъ, какъ законнымъ наслѣдникамъ земли использовать всѣ блага ея.

Надобно-ли говорить о дѣятеляхъ строптивыхъ, вздорныхъ и крамольныхъ? Тяжело говорить о нихъ!.. плоды дѣятельности ихъ горьки и ядовиты не только для нихъ, а и для тѣхъ, среди которыхъ они работаютъ: обманы, кражи убійства, кровопролитія, разрушенія вѣковыхъ зданій, поруганіе надъ тѣмъ, что создано Богомъ, освящено вѣками, усвоено вѣрующимъ народомъ, что ему всего дороже на свѣтѣ и что его питаетъ и оживляетъ. Всѣ таковыя дѣятели на православно-русской землѣ—незаконные наслѣдники ея, а дикіе пришельцы, воры и разбойники, не дверьми пришедшіе къ намъ, а ворвавшіеся насильно, или проникнувшіе тайно.

По неисповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ нынѣ пришлось кроткому и мирному православному Русскому народу жить съ такими дикими дѣятелями и ежедневно слышать и читать вѣсти объ ихъ пагубныхъ дѣлахъ. И что всего обиднѣе, такъ то, что эти нечестивые люди всего болѣе стараются вліять на простодушный Русскій народъ и обольщать его, сбивая съ толку не сбыточными обѣщаніями ему даровой земли и освобожденіемъ его отъ всякой зависимости со стороны начальства.

Православный Русскій народъ, помни ученіе Иисуса Христа о

кротости и терпѣніи; учишь и мирному и спокойному труду и не слушаешь никакихъ не сбыточныхъ обѣщаній людей, невѣрующихъ во Иисуса Христа, отвергающихъ Царя и только желающихъ сбить тебя съ толку и лишитъ законнаго наслѣдія того, что приобрѣтено вѣковыми трудами предковъ и твоими.

Твердо помни также и то, что православный Русскій народъ, трудолюбецъ и Царелюбецъ,—какъ законный наслѣдникъ, навсегда будетъ съ своимъ Царемъ хозяиномъ Русской земли, а не дикіе пришельцы и соблазнитель, которыхъ, для назиданія, просимъ потрудиться открыть Евангеліе Матѳея и въ 18 й главѣ прочесть 6-й стихъ.

Священникъ Іоаннъ Анурьевъ.

ЗВѢЗДЫ ПУСТЫНИ.

Повѣсть, записанная Преподобнымъ Пафнутіемъ, египетскимъ пустынникомъ.

(Окончаніе).

III.

Четыре дня шелъ я и дошелъ до нѣкоей кельи, находящейся вмѣстѣ съ пещерою на высококомъ плоскогоріи. Вошелъ я въ нее и, не найдя въ ней ничего, посидѣлъ немного, размышляя въ себѣ: есть ли въ келии этой, куда привелъ меня Богъ, кто-либо изъ числа живыхъ? И пока помышлялъ я объ этомъ, вошелъ нѣкій святой мужъ, сѣдинами украшенный; видъ же его былъ чуденъ и благолѣпенъ, и былъ онъ одѣтъ въ одежду, сплетенную изъ пальмовыхъ вѣтвей. И какъ только увидѣлъ онъ меня, тотчасъ же сказалъ мнѣ:

— „Не ты ли братъ Пафнутій, предавшій погребенію тѣло преподобнаго Онуфрія?“

И уразумѣлъ я, что то было ему откровеніе отъ Бога; и припалъ я къ ногамъ его. Онъ же привѣтливо сказалъ мнѣ:

— „Встань, братъ! Богъ сподобилъ тебя быть другомъ святыхъ, ибо отъ Промысла Его увѣдалъ я, что ты придешь ко мнѣ. Открою тебѣ, братъ мой возлюбленный, что шестьдесятъ уже лѣтъ протекло надъ пребываніемъ моимъ въ этой пустынѣ, и не видѣлъ я инаго ко мнѣ приходящаго, кромѣ братій, здѣсь со мною обитающихъ“.

Пока же говорили мы между собою, вошли трое другихъ, святымъ подобныхъ, старцевъ и, какъ вошли, сказали:

— „Благослови, братъ! Ты—братъ Пафнутій, нашъ сотрудникъ о Господѣ, и ты погребалъ тѣло святаго Онуфрія. Радуйся же, братъ нашъ: великую ты сподобился видѣть благодать Божію! О тебѣ же возвѣстилъ намъ Господь, что сегодня ты долженъ придти къ намъ и что повелѣлъ Онъ тебѣ одинъ день пребыть

съ нами. Вотъ, уже шестьдесятъ лѣтъ прошло, какъ мы пребываемъ въ этой пустынѣ, живя отдѣльно другъ отъ друга и собираясь вмѣстѣ въ субботу ко дню воскресному. И не видѣли мы за все время человѣка: тебя только перваго нынѣ видимъ“.

Когда же бесѣдовали мы между собою о преподобномъ отцѣ Онуфрїи и объ иныхъ святыхъ, и когда два часа протекли въ этой бесѣдѣ, сказали они мнѣ:

— „Вкуси, братъ, немного хлѣба и укрѣпи сердце твое, ибо издалека пришелъ ты, и слѣдуетъ намъ поэтому поспраздновать съ тобою“.

И, вставши, сотворили мы единодушно молитву къ Богу, и увидѣли предъ собою пять хлѣбовъ чистыхъ, прекрасныхъ, мягкихъ и теплыхъ, какъ бы только сейчасъ испеченныхъ. Принесли же отцы тѣ и еще кое-что изъ плодовъ земныхъ и сѣли, и ѣли вмѣстѣ. И сказали они мнѣ:

— Какъ уже и говорили мы тебѣ,—шестьдесятъ лѣтъ пребываемъ мы въ этой пустынѣ,—и всегда только четыре хлѣба приносились невидимо намъ повелѣніемъ Божиимъ; а пришелъ ты,—и пятый хлѣбъ былъ намъ посланъ. Откуда же приносятся намъ они, то намъ невѣдомо; но всякій день каждый изъ насъ, входя въ свою хижину, находитъ въ ней по одному хлѣбу. Когда же, ко дню воскресному, соберемся мы сюда вмѣстѣ, то четыре здѣсь находимъ хлѣба, по одному для каждаго изъ насъ“.

И вкусили мы отъ трапезы той, и благодарили Бога. День уже склонялся къ вечеру, и наставала ночь. Стали мы съ вечера субботняго на молитву и провели всю ночь безъ сна, молясь до свѣта дня воскреснаго. Когда же настало утро, сталъ я молить тѣхъ святыхъ отцовъ, чтобы повелѣли они мнѣ остаться съ ними до самой моей смерти. Они же на мольбы мои отвѣтили мнѣ:

— „Нѣтъ изволенія Божьяго на пребываніе твое съ нами въ этой пустынѣ, ибо надлежитъ тебѣ идти въ Египеть и христороливой братїи открыть все, что ты видѣлъ: да будетъ же то въ память нашу, а слышашимъ на пользу“.

Когда же дали они мнѣ такой отвѣтъ, тогда сталъ я молить ихъ, чтобы сказали они мнѣ имена свои; но они не пожелали мнѣ ихъ повѣдать. И долго, усердно молилъ я ихъ о томъ, но не было мнѣ успѣха; только одно сказали мнѣ они:

— „Всеѣдущъ Богъ, Тотъ и имена наши знаетъ. Поминай же насъ, братъ, и молись о насъ, да сподобимся видѣть другъ друга въ небесныхъ обителяхъ Божїихъ. Бѣгай, возлюбленный, мірскихъ искушеній, чтобы не быть тебѣ отъ нихъ посрамленнымъ, ибо обольстили они уже многихъ“.

И, слышавъ слова эти преподобныхъ, припалъ я къ ногамъ ихъ, и, получивъ отъ нихъ благословеніе, отошелъ съ миромъ Божиимъ въ путь мой.

И предсказали мнѣ нѣчто отцы тѣ, что и сбылось съ теченіемъ времени.

IV.

Уйдя оттуда, шель я глубочайшею пустынею день одинъ и дойдя до нѣкоей пещеры, при которой былъ источникъ ключевой воды, присѣлъ я тамъ отдохнуть. И залюбовался я красотой мѣста того: такъ было прекрасно то мѣсто. Тамъ, по берегамъ источника, росло множество садовыхъ деревьевъ, и всѣ они были отягчены разнообразнѣйшими чудными плодами. Отдохнуть я немного, всталъ и пошелъ пройтись подъ тѣнью тѣхъ деревьевъ, дивясь чрезвычайному обилію плодовъ ихъ. И размышлялъ я въ себѣ: кто бы это былъ, кто насадилъ здѣсь все это?.. Какихъ, какихъ только плодовъ тамъ не было! И плоды финиковыхъ пальмъ, и—лимонныхъ деревьевъ, и чудныя, крупныя яблоки, и смоквы, и винныя ягоды; и рдѣлись тамъ виноградныя лозы, обремененныя крупными гроздіями; и были тамъ иныя плодовые деревья, плоды которыхъ на вкусъ слаше меда были. И отъ всѣхъ плодовъ тѣхъ исходило благоуханіе великое: и всѣ насажденія тѣ дивныя поились струями воды ключевой протекавшаго между ними источника. И мнилъ я, что рай это Божій. И когда любовался я на красоту ту прекрасную, издалека показались мнѣ идущіе ко мнѣ изъ пустыни четыре красоты неописанной юноши, опоясанные по чресламъ своимъ овечьими шкурами. И, приблизившись ко мнѣ, они мнѣ сказали:

— „Здравствуй, братъ нашъ Пафнутій“!

И палъ я ницъ на землю, и поклонился имъ. И, поднявъ меня, сѣли они со мною, и повели мы между собою бесѣду. И такую благодатію Божіею сіяли ихъ лица, что казалось мнѣ, не человѣковъ вижу въ нихъ, а Господнихъ Ангеловъ, съ неба сошедшихъ. И радовались они приходу моему и, срывая плоды съ деревьевъ, предлагали мнѣ ихъ въ пищу: и отъ любви ихъ преисполнилось сердце мое веселія. Семь дней пробылъ я у нихъ, питаюсь плодами съ тѣхъ деревьевъ.

И спросилъ я ихъ:

— Какъ пришли вы сюда, и откуда вы родомъ?

Они же отвѣчали мнѣ:

— „Такъ какъ посланъ ты къ намъ Богомъ, то мы откроемъ тебѣ житіе наше. Мы—изъ города, называемаго Оксиринхъ; родители наши были старѣйшинами того города. Желая отдать насъ въ обученіе книжное, отдали они насъ въ одно училище, и мы скоро научились тамъ грамотѣ. Когда же начали мы обучаться высшимъ наукамъ, то положили себѣ начать учиться и Божіей духовной премудрости. И помогъ намъ въ этомъ Господь: каждый день сходились мы между собою и возбуждали другъ друга къ служенію Богу. Съ такимъ-то добрымъ намѣреніемъ въ сердцахъ, задумали мы поискать гдѣ-нибудь уединенное

мѣсто и пребыть на немъ нѣсколько дней въ молитвѣ, чтобы увѣдать намъ Божью о насъ волю. И взяли мы на каждого по немногу хлѣба и воды, и чтобы только хватило не болѣе какъ дней на семь, и съ этимъ вышли изъ города. Когда же чрезъ нѣсколько дней пути достигли мы пустыни и вступили въ нее, тогда внезапно открылись намъ духовныя наши очи, и узрѣли мы предъ собою нѣкоего свѣтлаго мужа сіяющаго небесной славою: взявъ онъ за руки, повелъ и привелъ на то мѣсто, которое ты видишь, поручивъ насъ нѣкому престарѣлому мужу, работавшему здѣсь Богу. И, вотъ, пошелъ уже шестой годъ, какъ здѣсь мы пребываемъ. Со старцемъ же тѣмъ мы пробыли вмѣстѣ годъ одинъ, и, когда годъ тотъ исполнился, ко Господу представился отецъ нашъ, и съ того времени здѣсь мы одни... Вотъ и открыли мы тебѣ, братъ нашъ возлюбленный, откуда мы родомъ, и какъ сюда прибыли. Во всѣ шесть лѣтъ нашего здѣсь пребыванія не вкусили мы ни хлѣба, ни инаго чего, только отъ этихъ садовыхъ плодовъ и питались. Пребываетъ же каждый изъ насъ отдѣльно на своемъ безмолвіи. Когда же подходитъ суббота, то сходимся мы всѣ на это мѣсто, чтобы видѣть другъ-друга и вмѣстѣ утѣшаться о Господѣ. И такъ пробудемъ мы вмѣстѣ два дня, субботу и воскресенье, и опять расходимся каждый на свое пребываніе.

— Гдѣ же причащаетесь вы въ субботу и воскресенье Божественныхъ Таинъ Пречистаго Тѣла и Крови Хріста Спасителя нашего?—вопросилъ ихъ я, смиренный Пафнуцій.

И отвѣтили мнѣ они:

— „Изъ за того-то и собираемся мы здѣсь всякую субботу и воскресенье, ибо Ангелъ святой и пресвѣтлый, посылаемый Богомъ, приходитъ къ намъ и преподаетъ намъ святое Причащеніе“.

И весьма возрадовался я, слыша это, и рѣшилъ дожидаться у нихъ субботы, чтобы и мнѣ сподобиться видѣть святаго Ангела и изъ рукъ его принять Божественное Причащеніе. И пробылъ я у нихъ до субботы. И они, ради меня, пробыли со мною на томъ мѣстѣ, не расходясь на свое безмолвіе. И провели мы дни тѣ въ славословіи Бога и въ молитвахъ, вкушая отъ плодовъ садовыхъ и утоляя жажду водою источника.

Когда же наступила суббота, сказали тогда мнѣ тѣ рабы Хрістовы:

— „Готовься, братъ любимый, ибо сегодня явится Ангелъ Божій и принесетъ намъ Божественное Причащеніе. Кто отъ рукъ его удостоится приобщиться, тому оставляются всѣ его согрѣшенія, страшень тотъ становится бѣсамъ, и не можетъ къ нему приблизиться искушеніе сатанинское“.

И пока говорили они мнѣ это, ощутилъ я благоуханіе великое, какъ бы отъ дивнаго ѳиміама и драгоцѣнныхъ благовоній. И дивился я, ибо никогда и ни гдѣ не ошущалъ я такого запаха сладкаго. И спросилъ я:

— Откуда исходитъ благоуханіе такое неизреченное?

Они же отвѣтили мнѣ:

— „То приближается Ангель Господень съ Пречистыми Тайнами Хріста и Бога нашего“.

И тотчасъ же стали мы на молитву, и начали пѣть и славословить Хріста Царя Бога нашего. И осіялъ насъ внезапно съ небесъ свѣтъ предивный, и увидѣнъ былъ сходящій съ неба Ангель Господень. И былъ блескъ его, какъ блескъ молніи. И палъ я ницъ на землю отъ страха. Они же подняли меня и не велѣли бояться. И узрѣлъ я представшаго намъ Ангела Божія въ образѣ юноши прекраснаго; красоты же его мнѣ описать никакъ невозможно. И держалъ онъ въ рукѣ потиръ святой съ Причащеніемъ Божественнымъ. И къ тѣмъ Тайнамъ Святымъ по одному приступали тѣ рабы Божіи, а по нихъ приступилъ и я, грѣшный и недостойный, съ великимъ трепетомъ и ужасомъ, но и съ неизреченною радостію: и такъ сподобился я причаститься Пречистыхъ Таинъ Хрістовыхъ отъ рукъ Ангельскихъ. Когда же причащались мы, то слышали гласъ Ангела, говорящаго:

— „Тѣло и Кровь Господа Исуса Хріста Бога нашего да будетъ въ васъ пищею нетлѣнной, непрестающимъ веселиемъ и жизнію вѣчною!“

И мы отвѣчали:

— „Аминь!“

По святомъ же томъ Причащеніи, приняли мы благословеніе отъ преславнаго того Ангела, и онъ на глазахъ нашихъ восшелъ на небеса; мы же пали на землю и поклонились Богу, благодаря за такую великую благодать Его. И какъ же велика была радость въ сердцахъ нашихъ! Не на землѣ мнилось мнѣ быть, а на небѣ. И отъ той радости великой духовной былъ я въ изступленіи, какъ бы внѣ себя отъ восторга.

И принесли затѣмъ тѣ святыя рабы Божіи плоды садовые, и сѣли мы, и вкусили. Когда же прошелъ день субботній, и настала ночь, то провели мы ту ночь безъ сна въ псалмопѣніи и славословіи Божіемъ. Въ день же воскресный удостоились мы той же благодати Божіей, что и въ субботу: тотъ же Ангель Божій, въ томъ же видѣ и образомъ тѣмъ же сошелъ къ намъ и причастилъ насъ и превеликой исполнилъ радости сердца наши. Осмѣлѣлъ я тогда, принявъ на себя дерзновеніе и сталъ молить Ангела, чтобы повелѣлъ онъ мнѣ пребывать до конца моей жизни на мѣстѣ томъ со святыми рабами Божіими. Но сказалъ мнѣ на это Ангель:

— „Неугодно Богу, чтобы ты жилъ здѣсь; повелѣваетъ Онъ тебѣ, не медля, идти въ Египеть и рассказать братіямъ, что ты видѣлъ и слышалъ въ пустынѣ, чтобы и они приложили усердіе проводить жизнь добрую и угодить Владыкѣ Хрісту. Повѣдай же особливо житіе и кончину блаженную преподобнаго Онуфрія,

тѣло котораго ты въ камнѣ предалъ погребенію, и возвѣсти братіи все, что услышалъ ты изъ устъ его. Блаженъ и ты, что удостоился видѣть и слышать чудесное то и дивное величіе Божіе, которое совершалось на святыхъ Его въ этой пустынѣ. Пребудь же въ упованіи на Господа, что и тебя въ жизни будущей причтетъ Онъ къ тѣмъ же святымъ, которыхъ ты видѣлъ и съ кѣмъ имѣлъ ты бесѣды. Иди же сегодня въ путь твой, и да будетъ миръ Божій съ тобою!“

Сказаль это Ангелъ и восшелъ на небеса. И отъ тѣхъ словъ Ангельскихъ исполнился я такого страха и радости, что не стало силы во мнѣ, и какъ бы внѣ себя, палъ я на землю. Святые же рабы Божіи помогли мнѣ подняться и, утѣшая меня, предложили свою трапезу. И вкусили мы, и благодарили Бога. Давъ затѣмъ цѣлованіе святымъ, пошелъ я въ путь свой; они же дали мнѣ на дорогу плодовъ садовыхъ и проводили меня около пяти милліарій. И просиль я ихъ сказать мнѣ имена свои. И они мнѣ сказали: первый—Іоаннъ, второй — Андрей, третій — Иракламвонъ, четвертый—Ѳеофилъ. И повелѣли они мнѣ сказать братіи имена ихъ для поминовенія, а я молилъ ихъ поминать и меня въ молитвахъ ихъ святыхъ. И, вновь давъ другъ—другу цѣлованіе о Господѣ, разошлись мы: они—въ свое мѣсто, а я своимъ путемъ—въ Египеть.

V.

И когда шелъ я пустыней, былъ печаленъ и радостенъ вмѣстѣ: печалился о томъ я, что лишился лицезрѣнія и сладкой бесѣды такихъ Божіихъ угодниковъ, которыхъ и миръ весь недостойнъ; а радовался я тому, что удостоился ихъ благословенія, видѣнія Ангельскаго и изъ рукъ Ангельскихъ Причащенія Божественнаго. По трехъ же дняхъ пути дошелъ я до одного скита и нашель въ немъ двухъ братьевъ—отшельниковъ; и отдыхаль я у нихъ десять дней, и рассказалъ имъ все видѣнное и слышанное мною въ пустынѣ. И слушали они меня съ великимъ умиленіемъ и радостію; и сказали мнѣ они:

— „Воистину, отецъ Пафнутій, великой ты сподобился благодати Божіей, даровавшей тебѣ видѣть такихъ рабовъ Божіихъ“.

Были же и эти два брата добродѣтельны и любили Бога отъ всего сердца. И записали они все, что изъ устъ моихъ слышали. Простившись съ ними, я отошелъ въ монастырь свой, а они запись сказанія моего понесли ко всѣмъ скитскимъ отцамъ и братіямъ, и получали отъ нея пользу великую всѣ ее читавшіе и слышавшіе, и благословляли Бога, дивно являющаго милость Свою на рабахъ Своихъ. И положили они книгу записи той въ церкви, чтобы желающіе могли читать ее, ибо исполнена она созиданія духовнаго и богомыслія. Я же, низайшій изъ рабовъ, Пафнутій, не по достоинству сподобившійся такой милости Божіей, возвѣщаю всѣмъ и устами моими, и писаніемъ то, что повелѣно

было мнѣ возвѣститъ во славу Божию и въ память святыхъ Его, и на пользу ищущимъ душѣ своей спасенія. Благодать же и миръ Господа нашего Иисуса Христа, молитвами угодившихъ Ему святыхъ и преподобныхъ отцовъ нашихъ да пребудетъ съ вами нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Такъ, вотъ, о чемъ, читатель дорогой, повѣдали намъ „звѣзды пустыни.“

„Въ часъ полночнаго молчанья,
Отогнавъ обманы сновъ,
Ты взглядишь душой въ писанья
Галилейскихъ рыбаковъ.....“

Истинно, вѣра наша Христова заключена вся не въ словахъ премудрости земной, а—въ явленіяхъ силы и духа.

Молитвами преподобныхъ пустыни Египетской да проститъ, и сохранитъ насъ Господь и въ этомъ вѣкѣ, и въ будущемъ!

Оптина Пустынь
27 февраля 1909 г.

Сергей Нилусъ.

Невѣроятное для многихъ, но истинное происшествіе.

(Продолженіе).

XXIV.

Очнулся я уже лежащимъ въ больничной палатѣ на койкѣ. Открывъ глаза, я увидѣлъ себя окруженнымъ чуть не цѣлою толпой любопытствовавшихъ или, выражаясь иначе, съ напряженнымъ вниманіемъ наблюдавшихъ меня лицъ.

У самага моего изголовья на придвинутомъ табуретѣ, стараясь сохранить свое обычное величіе, сидѣлъ старшій врачъ; его поза и манеры, казалось, говорили, что все это молъ вещь обыкновенная и ничего тутъ нѣтъ удивительнаго, а между тѣмъ въ его устремленныхъ на меня глазахъ такъ и сверкало напряженное вниманіе и недоумѣніе.

Младшій докторъ—тотъ ужъ безо всякаго стѣсненія буквально впилился въ меня глазами, словно старясь просмотрѣть меня всего насквозь.

У ногъ моеи койки, одѣтая въ траурное платье, съ блѣднымъ, взволнованнымъ лицомъ, стояла сестра моя, подлѣ нея—зять. Изъ-за плеча сестры выглядывало болѣе другихъ спокойное лицо больничной сидѣлки, а еще дальше за нею виднѣлась ужъ совсѣмъ перепуганная фізіономія нашего молодого фельдшера.

Придя окончательно въ себя, я прежде всего привѣтствовалъ сестру; она быстро подошла ко мнѣ, обняла меня и заплакала.

— Ну, батенька, и задали же вы намъ жару!—со свойственнымъ молодости нетерпѣніемъ подѣлиться поскорѣе пережитыми необычайными впечатлѣніями и наблюденіями, проговорилъ младшій докторъ.—Кабы вы знали, что съ вами творилось!

— Да я отлично помню все, что происходило со мной, проговорилъ я.

— Какъ? Неужели вы не теряли сознанія?

— Стало-быть—нѣтъ.

— Это очень, даже очень странно, проговорилъ онъ, взглянувъ на старшаго доктора.—Странно потому, что вы лежали настоящею таки кочерыжкой, безъ малѣйшихъ признаковъ жизни, нигдѣ ничего, ни ни! Какъ же можно въ такомъ состояніи сохранять сознаніе?

— Вѣроятно же—можно, если я и видѣлъ, и сознавалъ все.

— То-есть видѣть-то вы ничего не могли, а слышать, чувствовать. И неужели вы все—все слышали и понимали? Слышали какъ васъ обмывали, одѣвали...

— Нѣтъ, этого я ничего не чувствовалъ. Вообще тѣло мое было для меня совсѣмъ не чувствительно.

— Какъ же такъ? Говорите, что помните все, что было съ вами, а ничего не чувствовали?

— Я говорю, что не чувствовалъ только того, что дѣлалось съ моимъ тѣломъ, находясь подъ яркимъ впечатлѣніемъ пережитаго,—проговорилъ я, думая, что такого поясненія вполне достаточно, чтобы понять высказанное мною.

— Ну-те?—видя, что я остановился на этомъ, проговорилъ докторъ.

А я даже и загнулся на минуту, не зная, что же еще ему нужно отъ меня? Мнѣ казалось, что все было тутъ такъ понятно, и я снова лишь повторилъ:

-- Я сказалъ вамъ, что не чувствовалъ только своего тѣла, слѣдовательно всего, что касалось его, но вѣдь тѣло мое—не весь же я? Вѣдь не весь же я лежалъ кочерыжкой. Вѣдь прочее-то все жило и продолжало дѣйствовать во мнѣ!—проговорилъ я, думая, что то раздвоеніе или, вѣрнѣе, раздѣльность въ моей личности, которая была теперь яснѣе Божьяго дня для меня, была такъ же извѣстна и тѣмъ людямъ, къ которымъ я обращалъ мою рѣчь.

Очевидно, я еще не вернулся вполне въ прежнюю жизнь, не перенесся на точку ея понятій, и говоря о томъ, что зналъ теперь и переживалъ, самъ не понималъ, что слова мои могутъ казаться чуть не бредомъ сумашедшаго для неиспытавшихъ ничего подобнаго и отрицавшихъ все подобное людей.

XXV.

Младшій докторъ хотѣлъ еще что-то возразить или спросить меня, но старшій сдѣлалъ ему знакъ, чтобъ онъ оставилъ меня въ покоѣ,—не знаю ужъ, потому-ли, что этотъ покой былъ дѣйствительно нуженъ мнѣ, или потому, что изъ моихъ словъ онъ

вывелъ заключеніе, что голова моя еще не въ порядкѣ, и по-этому нечего толковать со мной.

Убѣдившись, что механизмъ мой пришелъ въ болѣе или менѣе надлежащій видъ, меня ослушали: отека въ легкихъ не оказалось; затѣмъ, давъ мнѣ выпить, кажется, чашку бульона, всѣ удалились изъ палаты, позволивъ лишь сестрѣ побыть со мною еще нѣкоторое время.

Думая, вѣроятно, что напоминанія о случившемся могутъ волновать меня, вызывая всякія страшныя предположенія и гаданія, въ родѣ возможности быть погребеннымъ заживо и т. п., всѣ окружавшіе и навѣщавшіе меня избѣгали заводить со мною объ этомъ разговоры; исключеніе составлялъ только младшій докторъ.

Его, повидимому, крайне заинтересовалъ бывшій со мною случай, и онъ по-нѣскольку разъ на день прибѣгалъ ко мнѣ, то просто лишь взглянуть, что и какъ, то задать одинъ-другой надуманный вопросъ; иногда онъ приходилъ одинъ, а иногда приводилъ даже съ собою какого-нибудь товарища, по большей части студента, *посмотрѣть* на побывавшаго въ мертвецкой человѣка.

На третій или на четвертый день, найдя меня, вѣроятно, достаточно окрѣпшимъ, или, можетъ быть просто потерявъ терпѣніе выжидать дальнѣе, онъ, придя вечеромъ въ мою палату пустился уже въ болѣе продолжительный разговоръ со мной.

Подержавъ меня за пульсъ, онъ сказалъ:

— Удивительно: всѣ дни пульсъ у васъ совершенно ровный, безо всякихъ вспышекъ, отклоненій, а если-бы вы знали, что съ вами творилось! Чудеса, да и только!

Я ужъ освоился теперь, вошелъ въ колею прежней жизни и понималъ всю необычайность случившагося со мной, понималъ и что знаю о немъ только я, и что тѣ чудеса, о которыхъ говоритъ докторъ, есть какія-нибудь внѣшнія проявленія пережитаго мною происшествія, какія-нибудь диковины съ медицинской точки зрѣнія, и спросилъ:

— Это когда же чудеса со мной творились? Передъ тѣмъ какъ я вернулся къ жизни?

— Да, передъ тѣмъ какъ вы очнулись. Я ужъ не говорю о себѣ, я человѣкъ малоопытный, а случая летаргій до сихъ поръ и совѣмъ не видалъ, но кому я ни рассказывалъ изъ старыхъ врачей, всѣ удивлены, понимаете, до того, что отказываются вѣрить моимъ словамъ.

— Да что-жь собственно было со мною столь диковиннаго?

— Я думаю вы знаете,—впрочемъ, тутъ и знать не надо, оно и такъ, само собою понятно,—что когда у человѣка проходитъ даже простое обморочное состояніе, всѣ органы его работаютъ сначала крайне слабо: пульсъ едва уловить можно, дыханіе со-

всѣмъ непримѣтно, сердца не сыщешь. А у васъ произошло что-то невообразимое: легкія сразу запыхтѣли, какъ какіе то мѣха исполинскіе, сердце застучало, что молотъ о наковальню. Нѣтъ, этого даже передать нельзя; это надо было видѣть. Понимаете, это былъ какой-то вулканъ передъ изверженіемъ, морозъ бѣжалъ по спинѣ, со стороны становилось страшно; казалось—еще мгновеніе—и кусковъ не останется отъ васъ, потому что никакой организмъ не можетъ выдержать такой работы.

„Гм... не диво же, что я, передъ тѣмъ какъ очнуться, потерялъ сознание“, подумалъ я.

А до разсказа доктора я все недоумѣвалъ и не зналъ, какъ объяснить то странное, какъ казалось мнѣ, обстоятельство, что во время умиранія, то-есть когда все замирало во мнѣ, я ни на минуту не потерялъ сознания, а когда мнѣ надлежало ожить, я впалъ въ обморочное состояніе. Теперь же это стало понятно мнѣ: при смерти я хотя тоже чувствовалъ стѣсненіе, но въ крайній моментъ оно разрѣшилось тѣмъ, что я сбросилъ съ себя то, что причиняло его, а одна душа, очевидно, не можетъ падать въ обмороки; когда же мнѣ слѣдовало вернуться къ жизни, я, наоборотъ, долженъ былъ принять на себя то, что подвержено всякимъ физическимъ страданіямъ, до обмороковъ включительно.

(Продолженіе слѣдуетъ).

СВЯЩЕННИКУ ОТКРЫЛАСЬ...

— „Батюшка! Я рѣшила или покончить съ собой или убить мужа“, горько плача, обратилась ко мнѣ женщина. Я, естественно, изумился и содрогнулся отъ такихъ ужасныхъ словъ, неожиданно для меня произнесенныхъ женщиной, которую я считалъ благонамѣренной. „Что ты, Богъ съ тобой?!“ испуганно воскликнулъ я. „Въ чемъ дѣло,—повѣдай! Можетъ быть, дѣла не настолько худы въ дѣйствительности, какими они кажутся тебѣ“...

— „Да вотъ, батюшка! Мужъ меня совершенно презираетъ. Ранѣе (года 4—5 послѣ брака) мы жили съ нимъ хорошо, въ согласіи и любили другъ друга. Жили—радовались. Нынѣ онъ связался съ дѣвицей, которая у насъ прислугой. Между ними—дружба неразрывная. Я теперь заброшена, убита горемъ. Совершенно забытая мужемъ, я должна умереть, оставляя послѣ себя любимаго малютку-ребенка“.

— „Не плачь, голубушка, успокойся! И я скажу тебѣ, что сумѣю, по вопросу: „какъ быть?!“ Убийство и, тѣмъ болѣе, самоубійство—тягчайшее преступленіе, глубоко оскорбляющее Бога. Въ пылу гнѣва ты говоришь безразсудное. Хвалю тебя, что ты надумала

прийти ко мнѣ. Думаю, что, при помощи Божіей, теперь дѣла твои—семейныя и супружескія отношенія—поправятся. Убьешь мужа—страшусь говорить!—ты совершишь тяжкое злодѣйство. Ты убьешь человѣка, который тобою былъ любимъ, который съ тобою—„одна плоть“. Черезъ таинство брака вы соединены съ нимъ въ неразрывный вѣчный супружескій союзъ—въ образъ союза Христа съ Церковію. Черезъ тяжкое преступленіе это (убійство) ты лишишь его жизни—данной ему отъ Бога для прославленія Его. Значить, ты дерзаешь отнять у него даръ Божій. Вѣрь, что ты никуда и никогда отъ суда Божія, отъ суда совѣсти своей и суда людского не уйдешь! На землѣ наказанная закономъ, ты будешь томиться въ тюрьмѣ. Твоя совѣсть будетъ мучить тебя всю жизнь. Ребенокъ твой—твое дитя возлюбленное и тобою взлелѣянное—будетъ несчастно, живя безъ родителя и переживая своею дѣтскою душою горе и тоску матери. Нѣтъ, нѣтъ! Послушай меня и, преклонясь предъ волей Бога, оставь злые помыслы! А если, сохрани тебя Богъ, покусишься на самоубійство,—ты сдѣлаешь еще худшее. Самоубійство—смертный грѣхъ, никогда непрощаемый. Черезъ это преступленіе ты уготовишь себѣ вѣчную погибель. Мужъ твой, не-диво, сохнетъ или бросится въ развратъ, или, можетъ быть, тоже покончить самоубійствомъ послѣ такого семейнаго потрясенія. Ты и его убить хочешь! Погубишь ты и ребенка своего. Малюткѣ, каково безъ матери жить на свѣтѣ? Подумай, вразумись!.. Страшишься и думать о томъ, что ты въ злѣбѣ хотѣла сдѣлать!“

— „Ой, батюшка, благодарю васъ! Помолитесь за меня — грѣшницу!“

— „Я, грѣшный, буду молиться, чтобы Господь сохранилъ тебя отъ грѣха, а ты меня порадуешь. Дай мнѣ слово, что ты меня слушаешь и мои слова не забудешь?“

— „Батюшка! Я исполню, сдѣлаю, какъ вы говорите. Лучше многое стерплю, но на грѣхъ (ужасный грѣхъ!) не пойду“.

— „Помолимся вмѣстѣ Богу! Пусть Ангель Хранитель твой сохранить тебя отъ всякаго зла во вся дни живота твоего. Иди съ Богомъ и помни мои слова!“...

Больше она ко мнѣ не приходила. Теперь истекъ годъ времени послѣ этого свиданія и я слышу, что эти супруги примирились и живутъ хорошо... И слава Богу!

Священникъ Н. С—евъ.

14-е марта,
1909-го г.